

УДК 821.161.1

ОНЕГИН В ЖИЗНИ ТАТЬЯНЫ. ЧАСТЬ I

Никишов Ю.М.

Близится (февраль 2025 года) 200 лет бытования в печати первой главы «Евгения Онегина». Не вдали и 200 лет существования романа в полном виде. Не счесть – столько толкований главных героев накопилось за это время. В ходу и отдельные оценки их устами самого поэта. Между тем целостный взгляд автора на героев в тени. Остаются незамеченными некоторые важные детали. Понять замысел поэта – достойная цель исследователя. Татьяна полюбила Онегина с первой встречи. Но вначале ее любовь держится на интуиции. Онегин остается загадкой: «ангел ли хранитель, или коварный искуситель»?

Ключевые слова: Онегин, Татьяна, иерархия духовных ценностей, этапы познания героев, счастье, долг.

ONEGIN IN TATYANA'S LIFE. PART I

Nikishov Y.M.

The 200th anniversary of the first chapter of “Eugene Onegin” publication is approaching (February 2025). 200 years of the novel’s existence in its entirety is not so far away. There are countless interpretations of the main characters accumulated during this time. There are also separate assessments of them from the poet himself. Meanwhile, the author’s holistic view of the characters is still in shadows. Some important details remain unnoticed. To understand the poet’s intention is a worthy goal for the researcher. Tatyana fell in love with Onegin from their first meeting, but in the beginning her love is based on intuition. Onegin remains a mystery for her – is he a “guardian angel, or an insidious tempter”?

Keywords: Onegin, Tatyana, hierarchy of spiritual values, stages of cognition of heroes, happiness, duty.

*О, как убийственно мы любим!
Как в буйной слепоте страстей
Мы то всего вернее губим,
Что сердцу нашему милей!*

Федор Тютчев

Под углом зрения заглавия хочется представить отношения пушкинских героев, о которых, казалось бы, уже сказано всё, мыслимое и немислимое, на все вкусы. Вместо состязания в остроумии я попытаюсь максимально приблизиться к авторской точке зрения на его героев.

Контрастный подход пониманию Пушкина пропагандировал В.С. Непомнящий: «... В основе у него – как раз наличие “пустоты” в том месте, где у других писателей – психологический анализ, описание, подробности и нюансы... Мы обнаруживаем, что и детали, и нюансы здесь есть, но – не заданные нам автором, а возникшие сами, возникшие в процессе нашего личного вживания в обстоятельства героя, для которого автор, так сказать, “оставил место”» [3, с. 42]. Исследователю становятся интересными не герои, а «возможность познать самих себя», даже «потемки собственной души» [3, с. 45]. Можно, конечно, из любопытства посмотреть, как рисовал автопортрет лидер постсоветского пушкиноведения. Для понимания поэта нужна иная методология.

Заманчиво было бы опереться на симпатичный критерий: мнение исследователя должно быть непредвзятым, – но он недостижим. «Непредвзятых» мнений просто не может быть: взятое «пред» – это образование, компетенция, опыт, эрудиция, вкус, мировоззренческая позиция читателя (исследователя). От этого «взятого пред» никуда не деться: само по себе эстетическое восприятие примечательно двойственным, объективно-субъективным характером. Заметил М.Л. Гаспаров: «Филология трудна не тем, что она требует изучать чужие системы ценностей, а тем, что она велит нам откладывать на время в сторону свою собственную систему ценностей. Прочитать все книги, которые читал или

мог читать Пушкин, трудно, но возможно; забыть (хотя бы на время) все книги, которые Пушкин не читал, а мы читали, неизмеримо труднее» [1, с. 26-27].

Все-таки исследователь перед самим собой должен четко ставить цель, к которой устремляется: он желает понять автора – или намерен свою ученость и оригинальность мысли показать.

Заканчивая роман в стихах, Пушкин воспоминаниями опускался к истокам своего произведения.

Промчалось много, много дней
С тех пор, как юная Татьяна
И с ней Онегин в смутном сне
Явились впервые мне... [4, с. 163].

Именно отношения героев послужили толчком к построению повествовательного сюжета, но вместе они представлены не сразу. Первая глава отдана заглавному герою (впрочем, еще и его приятелю-поэту); развернута его стартовая биография. Сюжет **романа** здесь предельно краток: Онегин поехал – и приехал в деревню, похоронил дядю, устроился наследником в его имении. Обнаружил, что и в деревне водится скука, не уступающая скуке столичной.

А далее выстраивается замысловатая цепочка. Во второй главе «В свою деревню в ту же пору / Помещик новый прискакал...» [4, с. 33]. Тут же он представлен читателю: юный поэт Владимир Ленский. А он ко всему прочему влюблен в соседку Ольгу Ларину: тут не обойтись без новой зарисовки. А у Ольги есть сестра; ей-то предназначено стать главной героиней. Возникает сравнительное описание сестер. От детей естествен переход к их родителям.

Изображение персонажей-женщин логично начинать с их внешнего облика; этим путем идет и Пушкин. Но тут нас ожидает неожиданность: в **авторской** оценке Татьяна уступает Ольге!

Ни красотой сестры своей,
Ни свежестью ее румяной
Не привлекла б она очей [4, с. 40-41].

Но, может, поэт руководствуется бытовым правилом: если женщину нельзя назвать красавицей, надо уметь выделить и похвалить в ней что-нибудь привлекательное. Вроде бы легко встретить такие детали. В ночи, отданной письму, «сорочка легкая спустилась / С ее **прелестного** плеча...» [4, с. 62]. И еще:

Задумавшись, моя душа

Прелестным пальчиком писала

На отуманенном стекле

Заветный вензель *О* да *Е* [4, с. 65].

Подобные штрихи портрета Татьяны Я.М. Смоленский попытался собрать воедино – получилось «не так уж мало»: «Перед нами бледноликая тоненькая <...>, скорее девочка, чем девушка, с темными (“темнеющими”) печальными очами и диковато-грациозными (“лань лесная”) движениями. Томная головка (“головушка”) склоняется к прелестному плечу; лицо отражает малейшие движения души (страх, радость, смущение, усталость и т. д.), тонкие (дрожащие при волнении) руки с прелестными пальчиками, милые маленькие ножки... Со всем этим обликом гармонирует нежный (“нежней свирельного напева”) голосок» [8, с. 89-90].

А «младые грации Москвы» рассматривают Татьяну весьма придирчиво, обнаруживая и какие-то (устранимые) недостатки, а в целом находят ее «очень недурной». Все идет к тому, чтобы поправить авторский скептицизм, а поэт проявляет упрямство, когда итоговый портрет Татьяны-княгини предваряет оговоркой: «Никто б не мог ее прекрасной / Назвать...» [4, с. 148].

Вроде как автор настраивает читателя на заключение, что Татьяна внешностью не привлекает (достаточно того, что в ней невозможно обнаружить ничего вульгарного), а ее сила в духовности, которая бесспорна.

Но вот картинка, опровергающая такое мнение:

Беспечной прелестью мила,

Она сидела у стола

С блестящей Ниной Воронскою,

Сей Клеопатрою Невы;
И верно б согласились вы,
Что Нина мраморной красою
Затмить соседку не могла,
Хоть ослепительна была [4, с. 148].

«Клеопатру Невы» духовностью не возьмешь: потребно именно внешнее обаяние. Сниженные оценки, которые все-таки проникают в портрет Татьяны, нуждаются в точном понимании. Красота хоть Ольги (кукольная), хоть Нины Воронской (подобие Клеопатры) – типовая. Красота Татьяны индивидуальна, притом незаурядна, как и в целом, личность героини. На первый план поэт выдвигает духовный облик героини, что внешнее обаяние не заслоняет, а усиливает. Однажды он и прямо проговаривается: «Но полно. Мне пора заняться / Письмом **красавицы** моей» [4, с. 59].

Портрет Ольги «мил», но «надоел» поэту, потому что замен, литературен. Зато образ Татьяны вводится в повествование на демонстративном противопоставлении его литературной традиции, в том числе и собственной. Он с самого начала глубоко оригинальный.

Но получается, что сдержанные оценки вида героини в существенной степени провокационны. Как такое может быть? Да, бывает и так. Кстати, письмо Татьяны, якобы написанное по-французски, подано как перевод «неполный, слабый» [4, с. 60]. Никто письмо Татьяны (напечатанное, да и написанное поэтом по-русски) неполным и слабым не воспринимает. Оценка перевода снижена для того, чтобы читатель вздохнул: каков же был «подлинник», если и «слабый» перевод хорош!

Пушкинское слово функционально не одинаково. Здесь сколько угодно прямых и точных обозначений, исчерпывающих содержание предмета; авторитет таких обозначений непререкаем. Поэту приходится излагать и чужие мнения; помечается это не всегда. Так что далеко не все, что дается в форме прямой речи, отвечает воззрениям поэта.

Пушкин руководствуется и таким правилом: «...не надобно всё высказывать – это есть тайна занимательности» [6, с. 47] (П.А. Вяземскому, 6 февраля 1823 года). Этот принцип не означает отказа от выражения своей позиции, просто она не выпячивается, хотя и существует непременно. Авторский голос нужно учиться распознавать.

Поведение Татьяны примечательно странностями «от самых колыбельных дней». Она не умеет ласкаться к родителям, чуждается детских забав и игрушек, сторонится сверстниц, «часто целый день одна / Сидела молча у окна» [4, с. 41]. Ее «подруга» – задумчивость. «Серьезное поведение в детстве, отказ от игр – характерные черты романтического героя» [2, с. 198], свидетельствует Ю.М. Лотман.

Содержание раздумьям и мечтам дают прочитанные книги; стиль чтения создает решающее качество – романтическое «двоемирие». Это понятие означает наложение на реальный мир мира воображаемого.

Возьмем совсем простую сценку: «Она любила на балконе / Предупреждать зари восход...» [4, с. 42]. Солнцу, небосклону, ветру, деревьям, цветам нет никакого дела, наблюдают за ними или нет. «Равнодушная природа» – сказано Пушкиным-лириком. Но, наблюдая движение утра, Татьяна одухотворяет природу, наделяет ее своей поэтичностью. Она не просто внимает картинам, а ведет с ними диалог. Она не переживает, а сопереживает. Вот чем объясняется, что можно говорить о «двоемирии», в котором и которым живет Татьяна, хотя внешне она живет обыкновенной жизнью.

Любя реальные рассветы, бродя по реальному парку, полям, лугам, лесам, Татьяна пребывает в иллюзорном мире. Ей мало друга, ей нужен непременно герой книжного ранга. Кого она полюбила? Скучающего русского помещика – соседа Онегина? И да, и нет. Появлению героя предшествует мечта о герое. «Душа ждала... кого-нибудь. / И дождалась... Открылись очи; / Она сказала: это он!» [4, с. 51]. Сама вспышка любви в Татьяне – это результат узнавания идеального в реальном: «Ты чуть вошел, я вмиг узнала...» [4, с. 61]. Письмо

Татьяны написано внезапно, но акция основательно подготовлена. В «опасной книге» Татьяна находит:

Свой тайный жар, **свои** мечты,
Плоды сердечной полноты,
Вздыхает и, себе присвоя
Чужой восторг, **чужую** грусть
В забвеньи шепчет наизусть
Письмо для милого героя... [4, с. 52].

Чего доброго, возникнет соблазн полагать, что Татьяна свое письмо выучила наизусть и только потом записала. А на прогулках пушкинская героиня просто входит в роль Кларисы, Юлии, Дельфины, нашептывая их письма их героям. Другое дело, что ее отзывчивая душа в «чужом» находит «свое».

Наличие идеала в душе человека может иметь разные следствия. В Татьяне нет эгоизма; наличие идеала становится стимулом самовоспитания: идеалу нужно соответствовать.

Чувство Татьяны не опережает событие. Не приходится сомневаться, что появление Онегина в деревне наверняка обсуждалось в семье Лариных («Но говорят, вы нелюдим...» [4, с. 61] – это, конечно, эхо таких предшествовавших разговоров), но Онегин (просто как странный сосед) не входит в сознание Татьяны до того момента, пока он сам не посетит Лариных. (Иная ситуация – в пушкинской «Барышне-крестьянке»: там героиня сама находит возможность познакомиться с соседом, слухи о котором растревожили ее воображение). Пусть мимолетно, но Онегин предстал перед Татьяной: думы о герое пробуждает лишь непосредственное обаяние его личности.

Возникнув, чувство нарастает очень быстро, запертым уже не помещается в груди. Возникает исповедь перед не болтливой няней, но та не понимает языка ее чувств. Происходит неожиданное для Тани: «Вдруг мысль в ее уме родилась...». И пишется письмо, которое поэт назовет «необдуманном» [4, с. 56]. Написанное по примеру книжных героинь, оно вполне индивидуально и конкретно.

Крайне незначительный опыт непосредственного общения героев вынуждает поставить вопросы. Какова в чувствах Татьяны степень знания о своем герое? Есть ли в ее чувстве элемент ошибки?

Татьяна **знает** Онегина очень мало. Неоткуда взяться знанию: одна мимолетная встреча да окольные слухи – вот, до поры, и все источники этого знания. Впрочем, непосредственное (минимальное) знание дополняется существенным опосредованным. Совершается чудесное превращение: перед барышней оживший герой ее любимых книг!

В письме своем Татьяна почти с равным вероятием спрашивает: «Кто ты, мой ангел ли хранитель, / Или коварный искуситель...» [4, с. 62]. Конечно, она очень надеется на первое и гонит саму мысль о втором, но она действительно не знает, кто он. Но там, где не хватает определенного знания, действует интуиция, и вот где обнаруживаются достоинства «стихийной» жизни Татьяны. В ее письме «сердце говорит» [4, с. 150], и оно не ошибается.

На второй день после отправки письма состоялось свидание. Свой устный ответ Онегин именует исповедью. Для Татьяны она была невнятной, зато обидное для нее нравоучение она запомнит, так что и речь героя будет воспринимать проповедью. Но стало ясным главное: ее любовь должного отклика не получила.

Несмотря на печальный итог свидания роль героя в духовном выявлении Татьяны трудно переоценить. В финале Татьяна выговаривает Онегину: «Не правда ль? Вам была не новость / Смиренной девочки любовь?» [4, с. 160]. В позднем укорее героини звучит нотка уязвленной гордости: Татьяна знает, что она и была (не то, что стала) богаче, нежели только смиренная девочка. И все-таки есть правда и в помеченной оценке Онегина. До встречи с ним Татьяна в общем-то лишь смиренная девочка. Конечно, она выделяется в среде своих сверстниц, это отнюдь не заурядная уездная барышня, вроде своей младшей сестры. Но само богатство ее природы таится еще в потенциальном виде. Духовные задатки героини реализованы именно благодаря герою. Именно встреча с Онегиным позволила выявиться и развиться свойствам природы

Татьяны, которые, запрятанные в глубинах души, могли бы там и заглохнуть под воздействием бытовых жизненных обстоятельств и под добровольным усилием смирить души неопытной волненья. Татьяна начинается не с сопереживания рассветам и французским романам, а с любви к герою.

Татьяне не будет дано вкусить счастья взаимной любви. Но и не давший ей счастья Онегин оказал мощное воздействие на всю ее жизнь. Это тем проще, органичнее, что и в книжном, романтическом сознании Татьяны на первом плане ее внутренняя духовная жизнь. Нужен лишь толчок – дальнейшее протекает в мире воображения, фантазии.

«Следствие свиданья» затрагивает Татьяну чрезвычайно чувствительно. На протяжении четвертой и пятой глав она не раз попадает в поле зрения читателя. Но ее душевные страдания изображены приглушенно, в полном соответствии с последующей авторской характеристикой: «Татьяна изнывала тайно...» [4, с. 109]. Тем не менее четко дано понять: любовь героини неугасима, хотя никаких надежд на ответное чувство она не питает.

Что было следствием свиданья?

Увы, не трудно угадать!

Любви безумные страданья

Не перестали волновать

Младой души, печали жадной;

Нет, пуще страстью **безотрадной**

Татьяна бедная горит [4, с. 74].

Здесь следует сделать уточнение, что в черновике (рабочая тетрадь Пушкина – ПД № 835) строка читается четко: «Нет, пуще страстью **безнаградной**» [7, л. 52]. Где (на какой стадии обработки черновика) потерялось такое написание эпитета, я не знаю, но уже воспроизведение черновика в академическом VI томе дано ошибочно: «страстью безотрадной» [5, с. 355]. О замене эпитета с индивидуального на штамп приходится пожалеть; его начальная форма активна в романе: о ножке – «Она, пророчествуя взгляду / Неоценимую **награду**...» [4, с. 19]; «Чей взор, волнуя вдохновенье / Умильной

лаской **наградил** / Твое задумчивое пенье?» [4, с. 29]; «Случалось ли поэтам слезным / Читать в глаза своим любезным / Свои творенья? Говорят, / Что в мире выше нет **наград**» [4, с. 79].

Татьяна смиряется с горестным ощущением, что ее любовь к Онегину – безответна. У нее нет никакой иллюзии, никакой сознательной надежды. Но сила любви, полностью бескорыстной любви такова, что даже отсутствие надежды на взаимность не может не только погасить, но даже ослабить эту любовь. Примечательно, что и сюжетный узел романа на время образует попытка героини понять своего кумира. Познание ею героя проходит три этапа: от вопроса письма «Кто ты...», где ответ дается только наугад, к пониманию его «яснее» и к завершающей констатации «ей внятно всё».

«Нежданное» появление Онегина на ее именинах перевернуло Татьяне всю душу. Какие контрастные впечатления! Тут бесценный ей подарок.

Он молча поклонился ей,
Но как-то **взор его очей**
Был чудно нежен. Оттого ли,
Что он и вправду тронут был,
Иль он, кокетствуя, шалил,
Невольно ль иль из доброй воли,
Но взор сей нежность изъявил:
Он сердце Тани **оживил** [4, с. 99].

Онегин как будто напрямую откликается на ее письменную просьбу: «Я жду тебя: **единым взором** / Надежды сердца **оживи...**» [4, с. 62]. А вслед за тем он расточает знаки внимания ее сестрице...

У Татьяны уже была бессонная ночь, отданная ее письму. Такой же выдалась ночь после злосчастных именин. Как связать поведение Онегина воедино?

Его неожиданным появлением,
Мгновенной нежностью очей
И странным с Ольгой поведением

До глубины души своей
Она проникнута; не может
Никак понять его; тревожит
Ее ревнивая тоска... [4, с. 104].

Татьяне очень трудно сделать выбор, и все-таки загадочное поведение Онегина на ее именинах побуждает несчастную видеть в своем кумире коварного искусителя: это же серьезный толчок к разочарованию в нем. Но любовь Татьяны слишком горяча, чтобы остыть от первого же удара.

Более того! Сила любви героини такова, что и в обиде она не может противиться своему чувству и приемлет Онегина даже оступившимся. «То воля неба: я твоя...» [4, с. 61] – писала она. Только что он вновь блеснул своим неотразимым обаянием, но обнажил и коварство. Пушкинисты не замечают, что Татьяна не отвергает героя, а подтверждает признание!

«**Погибну**, – Таня говорит, –
Но гибель от него любезна.
Я не ропщу: зачем роптать?
Не может он мне счастья дать» [4, с. 104].

Интересно: Татьяна будто услышала голос человека, который больше всех ее любит, голос поэта, еще в первую пору влюбленности героини остерегавшего: «**Погибнешь**, милая...» [4, с. 54]. Прогноз не сбился, Татьяна не погибла. Но прогноз должен быть правдоподобным. В чем это подобие правды (а лучше – часть правды)? Татьяна могла погибнуть, **была готова погибнуть**, идя по следу героинь сентиментально-романтической литературы. Она не погибла, но еще и потому, что Онегин (перед Татьяной) не был ни искусителем, ни развратителем. В итоге она прошла не заемный, а свой индивидуальный, натурой подсказанный путь.

Вслед за своеволием на именинах Онегин совершил очень тяжкий проступок – стал убийцей своего друга и жениха сестры. Ко всему прочему это исключило возможность видеться (да вскоре Онегин вообще покинул деревню).

Тяжесть проступка и время тут могли выполнить разрушительную для любви роль.

Осудительные нотки проходят через сознание Татьяны:

Она должна в нем ненавидеть

Убийцу брата своего;

Поэт погиб... но уж его

Никто не помнит [4, с. 125-126].

Сказано точно: «должна» ненавидеть, даже против воли своей; не сказано «ненавидит». Мягкая натура героини делает ее неспособной к выполнению миссии судьбы.

Но Татьяна и реально судит Онегина – во время их последнего свидания. Было и такое:

И нынче – Боже! – стынет кровь,

Как только вспомню взгляд холодный

И эту проповедь.

Эмоции нешуточные: годы прошли, а кровь стынет при одном воспоминании! Но дальше что? Ожесточение промелькнуло – и исчезло, как будто и не было его:

Но вас

Я не виню: в тот страшный час

Вы поступили благородно.

Вы были правы предо мной:

Я благодарна всей душой... [4, с. 160-161].

«Суд» случился – но вышел оправдательным. К этому можно прибавить, что герой и героиня как будто соревнуются в своем великодушии. И Онегин на первом свидании отдавал себя на ее суд. Тут нет ничего наигранного, все искренно. Эмоциям позволяется обладать автономией, быть произвольными и разными. Неукоснительно решение.

Список литературы:

1. Гаспаров М. Филология как нравственность // Литературное обозрение. 1979. № 10. С. 26-27.
2. Лотман Ю.М. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий. Л.: Просвещение, 1980. 416 с.
3. Непомнящий В. Пушкин: Русская картина мира. М.: Наследие, 1999. 542, [1] с.
4. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. 4-е изд. Л.: Наука. 1977-1979. Т. 5: Евгений Онегин. Драматические произведения. 1978. 527 с.
5. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. 4-е изд. Л.: Наука. 1977-1979. Т. 6: Художественная проза. 1978. 575 с.
6. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. 4-е изд. Л.: Наука. 1977-1979. Т. 10: Письма [1815-1837]: примеч. Л.Б. Модзалевского., И.М. Семенко. 1979. 711 с.
7. Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР (ИРЛИ). Ф. 244. Оп. 1. № 835.
8. Смоленский Я. В союзе звуков, чувств и дум: Еще одно прочтение Пушкина. М.: Сов. Россия, 1976. 327 с.

Сведения об авторе

Никишов Юрий Михайлович — доктор филологических наук, профессор, независимый исследователь (Тверь, Россия).

Data about the autor

Nikishov Yuri Mikhailovich — Doctor of Philological Sciences, Professor, Independent Researcher (Tver, Russia).

E-mail: yunik1932@mail.ru.